

ФЕСТИВАЛЬ МУЗЫКА

Коммерсантъ - 2007. - 6 февр. - с. 22

Моцарт очнулся от юбилея

В Зальцбурге завершился самый скромный фестиваль самых больших звезд на свете — «Неделя Моцарта». Здесь можно было услышать и увидеть всю концертную элиту мира. Темой фестиваля стали интерпретации Моцарта. За жизнью гениев наблюдал специально для „Ъ“ **АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ**.

«Неделя Моцарта» проходит в Зальцбурге в 52-й раз. За это время она перестала быть неделей — нынешний фестиваль длился, например, десять дней. В отличие от знаменитых летних фестивалей в Зальцбурге, Моцартовхе не только короче, но и специализированнее: здесь никогда не увидишь ни оперы, ни спектакля, не послушаешь знаменитых писателей или поэтов. Только музыка — зато в каком исполнении! Плотность звезд на единицу музыкального времени мало с чем сравнима. В этом году выступали Венские филармоники и квартет Ардитти, Малеровский камерный оркестр и ансамбль Les Musiciens du Louvre Grenoble. Дирижировали и солировали Пьер Булез и Кристиан Тилеман, Сильвен Кембrellинг и Марк Минковски, пели Диана Дамрау и Магдалена Кожена.

Главной темой нынешнего года стали моцартовские интерпретации — во всех смыслах этого слова. Во-первых, сам Моцарт был не прочь интерпретировать современников и предшественников. Фестиваль открылся ораторией Генделя «Мессия», которую Моцарт переработал в соответствии с требованиями своего времени. Впрочем, вмешательства были скромные: Моцарт лишь кое-что сократил и сделал инструментовку пары мест. Исполнялись и другие произведения, к которым Моцарт так или иначе приложил руку, например, цикл квартетов Гайдна ор. 33. Да и самого себя Моцарт любил процитировать, что особенно заметно в его клавишных концертах. А что уж до последующих веков, то все они так или иначе прошли под знаком зальцбургского гения. Бетховен, Берг, Лигети... неискушенному слушателю трудно представить, насколько безграничен и неожидан может быть список авторов такого фестиваля.

Но, пожалуй, самым неожиданным поворотом темы стал Моцарт как интерпретатор религиозных текстов. В программе в связи с этим появились и духовные сочинения Оливье Мессиана, но главным в меню стало концертное исполнение «Освобождения Ветулии» (в оригинале называется по-латыни: *Betulia liberata*). Столь близкая к опере-серия оратория на библейский сюжет об Юдифи, спасающей осажденный город от войск Олоферна, была заказана Моцарту во время его итальянского путешествия в 1772 году. В качестве либретто использован текст неизменного Пьетро Метастазия (к нему в XVIII веке об-

Признанный лучшим дирижером года, 82-летний Пьер Булез повлиял на всю программу Моцартовского фестиваля ФОТО АР

рашался еще десяток композиторов). В центре его оказывается спор между Озией (тенор Джереми Овенден) и аммонитским царем Акхором (бас Георг Цеппенфельд) о существовании лишь одного бога.

Считается, что религиозное особенно близко Николаусу Арнонкуру, сумевшему переподчинить себе вкусы местной публики. И брат его — известный теолог, и сам он — важнейший специалист по ранним и редко исполняемым произведениям Моцарта, фактически заново их открывший, впервые начав исполнять их на больших сценах в начале 70-х. Но в этот раз господину Арнонкуру, дирижировавшему своим ансамблем *Concentus Musicus Wien*, пришлось разбираться скорее с музыкой, чем с теологией. Певшая Юдифь знаменитая Марьяна Мийянович официально была не в голосе — об этом публике с извинениями объявили перед началом, и вытаскивать пришлось оркестру и другим певцам, прежде всего Любе Органазовой, певшую партию Амиталя. В итоге все получилось. В том числе показать, какую важную роль сыграло «Освобождение Ветулии» в моцартовской биографии, завершив вместе с «Луцием Суллой» юношеский период его творчества и уже фактически открывая эпоху зрелого Моцарта. Сам композитор вернулся к оратории лишь однажды, когда, переехав в Вену, он играл ее для кружка богатых меломанов. Считалось, что композитор дописал для этого исполнения еще пару фрагментов, хор и квинтет, но обнаружить их так и не удалось. Зато Арнонкур обнаружил для слушателей связь некоторых трагических моментов в «Освобождении» с последующим творчеством Моцарта, прежде всего с «Реквиемом», в котором на закате жизни композитор процитировал одну из тем оратории.

Пьер Булез вместе с парижским *Ensemble intercontemporain* составил программу из серенад четырех авторов — Моцарта, Шенберга, Лучано Берлиоза и себя самого. Кажется, находящийся в прекрасной форме 82-летний Пьер Булез (не так давно немецкие критики при-

нали его лучшим дирижером года) повлиял на всю программу нынешнего моцартовского фестиваля, так много тут было необычных сближений и интеллектуального напряжения. Даже Антон Веберн, один из самых сложных композиторов XX века, попал в программу. Так эстетика, прежде казавшаяся возмутительной и революционной, становится сегодня академической нормой.

Кристиан Тилеман являет собой совершенно иной тип дирижера, для которого музыка — утонченное наслаждение, а эстетизм превыше всего. Бетховенская программа, предложенная Тилеманом вместе с оркестром Венских филармоников, открывалась Первым концертом для фортепиано с оркестром, где хватало отсылок к поздним клавирным концертам Моцарта. Солировал Ларс Фогт, новая пианистическая звезда, впервые, как ни странно, добравшийся до Австрии. Пианисты вообще украсили в этом году фестиваль — особенно молодой любимец Зальцбурга Мартин Штадтфельд (он покориł местную публику дебютом на последнем летнем фестивале). Но Фогт показал тот класс игры, что приходит только с внутренней зрелостью и который невозможно имитировать лишь техническим совершенством. Ему даже пришлось сыграть на бис — что на концертах венцев допускается нечасто.

Во втором отделении Кристиан Тилеман дирижировал Седьмой симфонией — не понятой и не принятой современниками Бетховена. Наверняка ставший бы официальным наследником Герберта фон Караяна, Тилеман ушел в свое время из Берлинской оперы, сославшись на то, что не может уже смотреть из ямы на радикальную оперную режиссуру и предпочитает заниматься чистой музыкой (именно по этой причине, должно быть, сегодня его имя все чаще муссируется в качестве будущего музыкального директора Венской оперы). В Седьмой он легко свел счеты с историей, по обыкновению недопонявшей гения. Быстрые темпы не мешали Тилеману увидеть, насколько лиричен за внешней бравурностью Бетховен, как космичен он в знаменитом аллегretto, как близко уже стоит в Седьмой у порога Девятой симфонии.

По интонации явно антибулезовское прочтение, построенное скорее на мощи звука, чем доверии к тишине, оказалось настолько ярким, что способно примирить у гроба Моцарта все возможные типы интерпретаций и его музыки, и музыки потомков. Собственно, благодаря этому Моцарт и смог пережить кошмар прошлого юбилея, вступив в новый год своей жизни как ни в чем не бывало — розовощеким, порой легкомысленным, порой мистически серьезным и столь универсальным в этом своем мире, что только диву даешься: что, что все еще заставляет нас не меньше Моцарта любить Иоганна Себастьяна Баха?